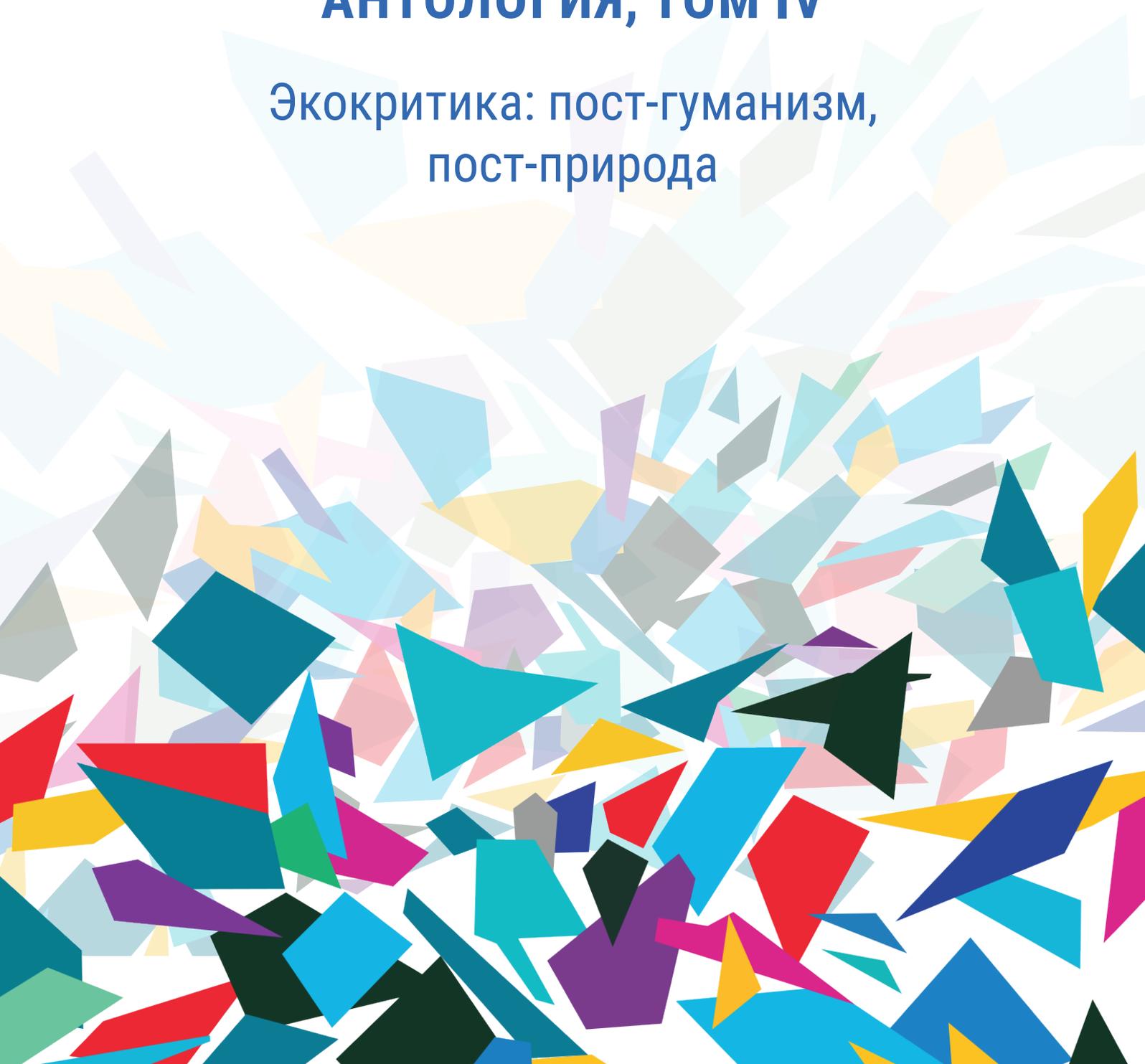

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ IV

Экокритика: пост-гуманизм,
пост-природа

Цель: ознакомиться с работой Пиппы Марланд «Экокритика», а именно, с содержанием третьей и четвертой волн развития экокритики и современными экокритическими теориями.

Ключевые слова: экология, критика, природа, остров, пост-гуманизм.

В данной лекции мы продолжаем разговор о статье Пиппы Марланд «Экокритика», и будем говорить о третьей и четвертой волнах в развитии экокритики, а также познакомимся с современными экокритическими теориями.

Экокосмополитика и третья волна

Скотт Словик и Джони Адамсон определили появление третьей волны экокритики в 2009 году как развитие, которое «признает этнические и национальные особенности и все же переходит этнические и национальные границы», исследуя «все аспекты человеческого опыта с экологической точки зрения». В широком смысле, это парадигма экокосмополитики. В работе «Чувство места и ощущение планеты: экологическое воображение глобального» (2008) Урсула Хейс связывает генезис этой конструкции с широким распространением термина «космополитизм» в конце 1990-х годов, когда теоретики стремились к тому, чтобы «модели творческого отражения и осмысления выходили за пределы страны и распространялись по всему миру». Она обсуждает это с точки зрения «детерриториализации», заявляя, что «возрастающая взаимосвязь обществ по всему миру влечет за собой появление новых форм культуры, которые больше не закреплены на месте». Для нее вызов, который детерриториализация бросает экологическому творчеству, заключается в следующем: представить, как экологическая пропаганда может быть сформулирована в терминах, которые основаны уже не на связи с местными территориями (стран, регионов), а на связях с территориями и системами, которые, как понимается, охватывают планету в целом.

То, что предлагает Урсула Хейс, является экологически измененным «мировым гражданством». Именно в духе этого мирового гражданства Всеобщая декларация прав Матери-Земли была принята на Всемирной конференции народов по изменению климата в Кочабамбе (Боливия) в 2010 году. В декларации подчеркивается, что мы являемся «частью Матери-Земли, неделимым, живым сообществом взаимосвязанных и взаимозависимых существ с общей судьбой». Декларация раскрывает экологический ущерб, причиняемый глобальным капитализмом, и способствует социальной и экологической справедливости.

Эта пропаганда не-человеческого расширяет понятие экологической справедливости до самой окружающей среды. Джони Адамсон рассказывает о протесте в Перу в 2006 году, в котором участвовала «коалиция коренных народов, экологов и ученых», выступавшая против уступки горной концессии, расположенной у подножия горы Аусангате. Протестующие утверждали, что гора «должна иметь право на существование в надлежащих отношениях с окружающими ее горами».

Еще одной причиной этих новых объединений является осознание того, как диффузные эффекты «медленного насилия» регистрируются без разбора на тела человека и не-человека, нарушая как биологические, так и человеческие социальные различия. Адамсон объясняет: «Например, разлив нефти, изучаемый с культурно-естественной точки зрения, которая не разделяет эти две сферы, показывает, что токсин может влиять на рабочих, которые добывают нефть, на население, где нефть добывается, на людей и животных, которые его впитывают». Это понятие движения материи через тела во множественном пересечении приводит нас к обсуждению четвертой волны экокритики.

Четвертая волна – материальная экокритика: постгуманистическая и постприродная

Четвертую волну следует рассматривать как сосуществующую, а не заменяющую третью (впрочем, и другие области экокритики), и только недавно идентифицированную.

Это появившаяся область материальной экокритики. Концепция развилась из ранних экофеминистских опасений воздействия экологической несправедливости на человеческий организм. Алаймо определяет трансматериальность как конструкцию, которая касается «материальных обменов между человеческими телами, телами животных и более широким материальным миром», что породило «новое материалистическое и постгуманистическое чувство человека как существенно и постоянно взаимосвязанного с потоками веществ и воздействий окружающей среды».

Для Алаймо эта взаимосвязь требует «сложных методов анализа, которые проходят через переплетенные области материального и дискурсивного, природного и культурного, биологического и текстового». В этом она перекликается с мыслью, высказанной в работе Бруно Латура «Мы никогда не были современными», о том, что ложные различия между мирами, например, науки и политики, «природными» и социальными, ограничили нашу способность адекватно оценивать наш способ бытия в мире. Наши материальные «я» не могут быть отделены от «сетей, которые одновременно являются экономическими, политическими, культурными, научными и субстанциальными». Понимание степени этих переплетений бросает нам вызов эпистемологически и этически.

Общая материальность и постгуманизм

Пиппа Марланд останавливается на трех ключевых вопросах материальной экокритики. Во-первых, это предпосылка о том, что между человеческим и не-человеческим миром существует общая материальность, которая стирает устаревшие различия между человеком и окружающей средой, полностью выходя за рамки «природы»; во-вторых, идея о том, что все эти общие вопросы обладают силой воздействия; в-третьих, этические и политические вызовы позволяют предположить сложность и гибридность этих переплетений.

Понятие об общей материальности изначально было сформулировано в экокритике, чтобы продвигать и развивать некоторые экокритические формулировки постгуманизма в глубоко экологическом духе. Постгуманизм децентрализует человека. Кэри Вулф утверждает, что «человек», как мы теперь знаем, «не является сейчас и никогда не был сам по себе». Аналогичным образом Жак Деррида поставил под сомнение конструкцию «животного». Его неологизм – анимот – предназначен для разрушения традиционной семантической границы между человеком и животным и охватывает «гетерогенную множественность живущих», в которой человек является лишь одним из многих видов. Существует направление постгуманистического исследования, специально посвященного «исследованиям животных», а именно чувств, субъективности и прав животных, не относящихся к человеку, и экологических перспектив, которые видят ценность проживания в экосистеме в целом.

В раннем обсуждении последствий постгуманистической мысли для экокритики Луиза Уэстлинг заимствует термин Дерриды, сформулировав выражение «пост-гуманизма-анимот». Она пытается смешать понятие о децентрализации человека с изучением субъективности животных и подчеркивает наше погружение в «матрицу земной жизни». Уэстлинг предполагает, что это погружение раскрывается нам через феноменологическое погружение в мир. Она делает преднамеренное различие между пост-гуманизма-анимотом и тем, что она обозначает как техно – или киборг-постгуманизм, полагая, что последний менее актуален для экокритики, поскольку затрагивает концепцию трансчеловека – идеального, технологического человека, способного превзойти свою среду и свое тело – концепция, которая увековечивает разрушительные дуалистические способы мышления.

Воздействие материи

Вторая ключевая тема материальной экокритики выражена в тезисе о том, что материя является воздействующей силой, вновь устраняя одно из различий, которое традиционно существовало между человеком и не-человеком, и усиливая идею горизонтальности, а не

иерархии. Материя рассматривается как проявление творческой силы, жизненной силы, «которая относится не к силе статического существа, а к силе порождающего становления», устанавливая «многоуровневую онтологию», в которой, как пишут Диана Кул и Саманта Фрост, «не существует окончательного разрыва между чувственными и нечувственными сущностями или между материальными и духовными явлениями».

В биосемиотических и экосемиотических перспективах, подобны выдвинутым философом и экокритиком Венди Уилером и экофилософом Дэвидом Абрамом, один из способов, с помощью которого материя проявляет свое воздействие, есть производство и воплощение признаков, которые наделяют не-человеческий мир его собственными системами значимости и смысла. биосемиотическая перспектива также помогает преодолеть разницу в культуре и природе. В этой парадигме культура, как и язык, является производной нашего материального бытия. Уилер описывает культуру и природу как «неразрывно переплетающиеся, взаимно зависимые и взаимно эволюционирующие», а Айовино говорит о природе и культуре как о «циркулирующей системе», которую лучше назвать (следуя примеру Донны Харауэй) «природо-культурой».

«Власть вещи»: этические вызовы

Джейн Беннетт в работе «Живая материя: политическая экология вещей» подчеркивает, что «онтоистория» общей материальности, которую она предлагает, не является беспроблемной взаимосвязью. Чтобы продемонстрировать более тревожные проявления того, что она называет «властью вещи», она цитирует описание Роберта Салливана «мусорного холма Нью-Джерси» за пределами Манхэттена, которое вызывает мощное физическое воздействие свалки, поскольку токсичные элементы смешиваются и объединяются, готовые просочиться в грунтовые воды. Это постоянное воздействие, которое не является человеческим, и все же его происхождение кроется в отходах человеческого потребления.

Марланд предоставляет дополнительные доказательства пространственного охвата «медленного насилия» и наглядно иллюстрирует трансматериальность в действии, поскольку созданные человеком вещества находят новые роли в области воздействия. Крис Джордан, фотограф, объясняет: на атолле Мидуэй, удаленном скоплении островов более чем в 3000 км от ближайшего континента, отходы нашего массового потребления появляются в неожиданном месте: в желудках тысяч мертвых детенышей альбатросов. Гнездящихся птенцов их родители кормят смертоносным количеством пластика, который они ошибочно принимают за плавающую в море еду, поскольку они кормятся над огромным загрязненным Тихим океаном.

Для Айовин трансматериальность влечет за собой гибридность, которая размывает границы и различия, так что становится все менее и менее возможным дифференцировать разницу между человеческим и не-человеческим воздействием. Обращаясь к работе феминистского научного критика Карен Барад, находим, что она описывает разработанный ею термин «постгуманистическая перформативность» как процесс, «где «постгуманистический» заменяет дуализм человеческого/не-человеческого и преодолевает его в более диалектическом и сложном измерении». Хотя это, несомненно, так и есть, так как изображение Мидуэя визуально это раскрывает, эти продолжающиеся расширения возможностей воздействия часто начинаются с технической значимости человека, возможно, предполагая необходимость задействовать последствия постгуманизма киборгов, отвергнутых Уэстлинг, и исследовать то, что Кэри Вулф описывает как «воплощение человека не только в его биологическом, но и в технологическом мире».

Для Джейн Беннетт «надежда состоит в том, что онтоистория будет усиливать восприимчивость к безличной жизни, которая окружает нас и наполняет нас, создаст более тонкое понимание сложной сети диссонирующих связей между телами и позволит более разумные вмешательства в эту экологию». Другие теоретики с менее интервенционистскими взглядами с большим скептицизмом относятся к тому, что теория способна предлагать решения экологических проблем.

Джон М. Мейер в своей работе 2001 года «Политическая природа: экология и интерпретация западной мысли» писал о том, что он считал популистским и неуместным желанием теоретиков и писателей-экологов разработать новое «мировоззрение», которое могло бы стать основой альтернативной «взаимосвязи между человечеством и остальной природой». В эссе «Теория кибернетики и социальных систем» Ханнес Бергхаллер, опираясь на работу Никласа Луманна по теории социальных систем и кибернетике второго порядка, подчеркивает, что современное человеческое общество разделено на аутопоэтические функциональные единицы (такие как право, политика, наука, религия и экономика), каждая из которых «создает свою собственную реальность», и ни одна из которых «не может контролировать операции любой другой». Важным для экокритики является понимание того, что она не может изменить общество в целом, она должна признать свою ограниченность с точки зрения практического воздействия и сосредоточиться на исследовании природы и белых пятен самой окружающей среды. Хотя Тимоти Мортон ненамеренно избегает «политических радикализмов, которые стремятся создать новые формы коллективности из-за кризиса ухудшения климата», но он настаивает на том, что мы должны всегда применять «строгий и безжалостный теоретический радикализм, который открывает наши умы в том направлении, где мы находимся, о том, что мы именно здесь». Это провокационные вмешательства и полезные напоминания о том, что экокритика должна продолжать критиковать свои собственные предположения и доктрины в ходе своих «земле-центрированных» исследований.

Будущее экокритики – отчаяние, возмущение и «медленное понимание»

За свою короткую историю экокритика прогрессировала от первоначального относительно не критического одобрения научной литературы о природе до ее нынешнего взаимодействия с широким спектром культурных форм, теоретической изоэченности и многообразия состояний. Ассоциация по изучению литературы и окружающей Среды в настоящее время имеет 10 партнерских организаций по всему миру, открытие еще нескольких подобных организаций сейчас обсуждается; существует большое количество экокритических и экологических журналов, в том числе «Экозон@», «Журнал по экокритике», «Индийский журнал по экокритике и исследованиям в области экокритики», а также «Междисциплинарные исследования в области литературы и защиты окружающей среды» и «Зеленая литература»; экокритика находится в центре внимания множества международных конференций. Тем не менее, это продолжает оставаться движением, которое сомневается в своей собственной функции.

В ходе недавнего обмена мнениями в ряде номеров «Журнала по экокритике» были показаны две разные перспективы в отношении эффективности и будущего экокритики. Уильям Мейджор и Эндрю МакМурри говорят об «отчаянном оптимизме» перед лицом того, что они видят как «сложный и длительный эндшпиль (конец игры)» нашего биологического вида. Они сомневаются в ценности своей работы (и в том, что касается экокритики в целом) и считают, что движение запуталось в институциональных рамках. Тем не менее, пишут они, «мы продолжаем, даже перед лицом трудного будущего. В конце концов, какой у нас выбор?», – резюмируют они риторическим вопросом.

Однако в следующем выпуске журнала Роман Бартош и Грег Гаррард возражают, высказывая более оптимистическую позицию. Сопrotивляясь тому, что они видят как «апокалипсизм» Мейджора и МакМурри, они говорят о «рискованном, захватывающем и беспрецедентном будущем» и в то же время выражают отказ от спешки в решении экологических проблем: «Мы считаем, что вклад экокритики является по своей сути и ценности постепенным, заставляя нас заново задуматься о мире, природе и месте человеческого животного». В качестве своей методологии они предлагают откликнуться на призыв Тимоти Мортонa, чтобы через скрупулезное внимание идентифицировать аномалии и парадоксы с целью «пойти против доминирующих нормативных представлений о природе, и сделать это во имя живых существ, страдающих в катастрофических условиях окружающей среды».

В последние два десятилетия экокритика показала себя более чем способной ответить на вызов, связанный с критической теорией. Она установила «экологичность» как постоянную

задачу в гуманитарных науках, способствовала более широкому пониманию экологической ответственности и экологической справедливости в глобальном масштабе, и подчеркнула нашу сложную погруженность в материальный мир, который отнял у нас «пост-гуманитарное» и «пост-природное», но оставил нам брошенный вызов продолжать распутывать координаты этих состояний. Хотя это может показаться нелогичным перед лицом ускоряющейся деградации окружающей среды, возможно, Бартош и Гаррард правы: настало время для возобновления неспешного и вдумчивого понимания, которое, будь то в надежде на создание экологической практики или в чисто исследовательском режиме, применяет эти новые парадигмы в полномасштабных взаимодействиях с культурными формами, исследуя «изображения» со всех возможных ракурсов, которые отражают и влияют на наши нынешние способы существования в мире.

Вопросы для закрепления темы:

1. Чем характеризуются третья и четвертая волны развития экокритики?
2. Может ли быть, на Ваш взгляд, практическая польза от экокритики?

Литература:

1. Slovic Scott. Editor's Note. – *Interdisciplinary Studies in Literature and Environment*. – 2012 19.3 (Summer).
2. Heise Ursula K. *Sense of Place and Sense of Planet: The Environmental Imagination of the Global*. – Oxford: Oxford University Press, 2008.
3. <<http://pwccc.wordpress.com/programa/>>).
4. Adamson Joni. *Indigenous Literatures, Multinaturalism, and Avatar: The Emergence of Indigenous Cosmopolitics*. – *American Literary History*. – 2012. – 24.1.
5. Alaimo Stacy. *States of Suspension: Trans-corporeality at Sea*. – *Interdisciplinary Studies in Literature and Environment*. – 2012. – 19.3.
6. Alaimo Stacy. *Trans-corporeal Feminisms and the Ethical Space of Nature// Material Feminisms*. Eds. Stacy Alaimo and Susan Hekman. – Bloomington, IN: Indiana University Press, 2008.
7. Wolfe Cary. Ed. *Zoontologies: The Question of the Animal*. – Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2003.
8. Derrida Jacques and David Wills. *The Animal that Therefore I am (More to Follow)*. – *Critical Inquiry*. – 2002. – 28.2.
9. Clark Timothy. *The Cambridge Introduction to Literature and the Environment*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
10. Wolfe Cary. *Animal Rites: American Culture, the Discourse of Species, and Posthumanist Theory*. – Chicago: University of Chicago Press, 2003
11. Westling Louise. *Literature, the Environment and the Question of the Posthuman// Nature in Literary and Cultural Studies: Transatlantic Conversations on Ecocriticism*. – Amsterdam: Rodopi, 2006.
12. Iovino Serenella. *Material Ecocriticism. Matter, Text, and Posthuman Ethics// Literature, Ecology, Ethics*. – Heidelberg: Winter Verlag, 2012.
13. Coole Diana, Samantha Frost. Eds. *New Materialisms: Ontology, Agency, and Politics*. – Durham, NC: Duke University Press, 2010.
14. Wheeler Wendy. *The Whole Creature: Complexity, Biosemiotics and the Evolution of Culture*. – London: Lawrence and Wishart, 2006.
15. Abram David. *Becoming Animal: An Earthly Cosmology*. – New York: Pantheon Books, 2010.
16. Latour Bruno. *Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies*. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999.
17. Bennett Jane. *Vibrant Matter: a Political Ecology of Things*. – Durham, NC and London: Duke University Press, 2010.

18. Barad Karen. *Posthumanist Performativity: Towards an Understanding of How Matter Comes to Matter// Material Feminisms*. – Bloomington, IN: Indiana University Press, 2008.

19. Wolfe Cary. *What is Posthumanism?* – Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2010.

20. Meyer John M. *Political Nature: Environmentalism and the Interpretation of Western Thought*. – Massachusetts: MIT Press, 2001.

21. Bergthaller Hannes. *Cybernetics and Social Systems Theory// Ecocritical Theory: New European Approaches*. – Charlottesville and London: University of Virginia Press, 2011.

22. Morton Timothy. *The Ecological Thought*. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010.

23. Major William, Andrew McMurry. Introduction: The Function of Ecocriticism; or, Ecocriticism. What Is It Good For? – *The Journal of Ecocriticism*. – 2012. – 4.2.

24. Bartosch Roman, Greg Garrard. The Function of Criticism: A Response to William Major and Andrew McMurray's Editorial. – *Journal of Ecocriticism*. – 2013. – 5.1.